

Арзу Каспин

Имаго, или Дом с бассейном

16+

Арзу Каспир

Имаго, или Дом с бассейном

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67261836

SelfPub; 2022

Аннотация

После тяжёлого развода Павел начинает психотерапевтическое лечение. Но он даже подумать не мог, чем обернётся эта затея.

Арзу Каспин Имаго, или Дом с бассейном

Павел сделал глубокий вдох, такой глубокий, что на секунду ему показалось, будто лёгкие прилипли к рёбрам, и шагнул в невесомость. Вода поглотила его с головой и мгновенно выплюнула. Он старался плавать перед каждым посещением психотерапевта, так как только плавание частично облегчало наступления гнетущей тревоги, связанной с затянувшимся лечением.

Сумерки решительно вползли через широкие окна и заполнили дом до краёв: в его чёрной глубине истошно скрипнула дверь, после звякнули ключи и снова оглушающая тишина. Павлуня замер и прислушался. Сегодня мама вернулась позже обычного.

Первый раскат грома словно обрушился на мальчика. Он испугался, непроизвольно вздрогнул, но не заплакал. Второй был не менее устрашающим, поэтому мальчик закрыл глаза, чтобы хоть как-то защититься от наступающего ужаса. Сейчас мама поднимется по лестнице, войдёт в комнату, протянет к нему руки, скажет что-нибудь ласковое – и всё станет

хорошо. Небо загрохотало в третий раз. Павлуня больше не мог терпеть, он сейчас же вылезет из-под прогретого одеяла, холодный воздух обдаст его тёплые пяточки; ступени, почти затопленные темнотой, совсем близко, и скоро ему нечего будет бояться.

Доктор осмотрел Павла с головы до ног так, как будто видел его впервые. Перед ним сидел хорошо сложенный сорокалетний мужчина с лёгкой проседью на висках. Голубые глаза, нос с выразительной горбинкой, нить бледно-розовых губ, едва заметная родинка на левой скуле. Серые кончики воротника рубашки ложились на тёмно-синий свитер. Чёрные джинсы едва прикрывали бирюзовые носки. Коричневые ботинки из дорогой кожи были влажными от дождя. Брагин почти ненавидел его. Психотерапевты редко любят своих пациентов, практически не сочувствуют им, однако всячески обязаны доказывать обратное. Павел это прекрасно понимал, но больше года терпеливо ходил на приёмы, усаживался в удобное кресло у окна с чудовищными занавесками в красных маках, надеясь, что сегодня точно случится спасение и обоюдные мучения наконец-то закончатся. Тем не менее ничего подобного не происходило. Видимо, отец прав, когда повторяет, что врачи – шарлатаны и только выкачивают деньги из несчастных больных. Павел прислонился к мягкой спинке кресла. Нет, всё-таки в кабинет Брагина стоит заходить хотя бы для того, чтобы оказываться в этом волшеб-

ном кресле, проваливаться куда-то глубоко-глубоко и чувствовать обволакивающую защищённость от всего на свете.

После слов доктора: «На сегодня всё. Жду вас в четверг в то же время», он возвращался в реальность, неохотно оставлял магическое кресло и шёл к двери.

– Я вам советую попробовать гипноз. Подумайте, – сказал Брагин в спину уходящему пациенту.

Из вежливости Павел пообещал.

Как-то давно отец рассказывал, что изначально на месте бассейна планировал небольшой пруд, куда хотел запустить перламутровых рыб, которыми можно было бы любоваться часами, расхаживая вокруг с чашкой чая и без. Но здравый смысл взял вверх и папа решил, что от территории, прилегающей к дому, пользы должно быть больше, чем красоты. В любом случае распивать чай и напитки покрепче приятно и у бассейна, а ещё приятнее нырять в его пробуждающую голубизну и плавать, плавать, плавать до тех пор, пока свинцовая усталость не начнёт заливать каждую мышцу.

После развода Павел переехал к отцу. Иногда от тяжёлых расставаний бывает польза: он стал чаще плавать и заметно похудел. По крайней мере, Паша всегда обнаруживал положительное там, где другой бы нашёл повод для грусти. Хотя пользу терапии нельзя снимать со счетов. Брагин помогал своему пациенту. Очень медленно, но очень верно.

Он никак не мог вспомнить лицо матери. Вместо него на поверхность памяти всплывало светлое пятно, обрамлённое пышными тёмными волосами. Паша понимал, что любое упоминание о ней причиняет боль его любимому папе. Мама ушла и точка. Это её решение, и сделать ничего нельзя. Отец женщин в дом не приводил. Возможно, у него были любовницы, но Павлу о них знать необязательно.

– Доктор предлагает гипноз, – поделился Паша с отцом за вечерним чаем.

– Тебе нравится выбрасывать деньги на ветер? – отец не верил врачам и не упустил случая заявить об этом.

– Он считает, что только транс поможет вспомнить и восстановить важные события. И ещё... – Павел сделал глубокую паузу. – Я хочу вернуть Машу. Наш развод – большая ошибка.

– Думаю, у Марии другое мнение, сынок. Напоминаю, если ты забыл: она ушла к твоему приятелю. Как там его зовут?

– Игорь.

– Точно. Женщины уплывают, как рыбки. Не думай об этой гадине, – отец начинал закипать.

– Я её люблю, – почти шёпотом произнёс Павел.

– Разлюбишь. Говорю тебе со знанием дела: у меня получилось разлюбить твою мать. Не могу сказать, что это лёгкий процесс, но любая боль преодолима.

– Ты знал его?

– Кого?

– Ну... того, с кем мама сбежала?

– Нет. Мне повезло чуть больше, чем тебе, – резко ответил отец и нарочито громко отхлебнул из чашки. – В амбаре завелась крыса. Я купил яд. Буду травить.

– Вот и поговорили. – Паша поднялся с ротангового кресла. – Пойду поплаваю перед сном. Маша звонила мне недавно. Говорит, что рассталась с Игорем.

– Не вздумай её прощать. Ты слышишь меня?

Сегодня Павел с трудом поднимался по влажным каменным ступеням. С утра накрапывал дождь, о котором можно было бы забыть, выйдя из дома на пару часов позже, но доктор ждал его к двенадцати.

Брагин бросил взгляд на пустое кресло. Он не любил, когда пациент опаздывал. Часы показывали две минуты первого. Робкий стук в дверь заставил обернуться:

– Входите, Павел, я вас жду.

– Обычно пациенты сомневаются относительно своего первого гипноза. Неизвестное всегда заставляет человека беспокоиться, – Брагин растягивал каждое слово, словно мягкую нугу. – Гипноз применяют только тогда, когда иные формы лечения не привели к нужному результату.

Пациент молча слушал. Брагин продолжал терапевтическую речь:

– Я не могу загипнотизировать вас, и никто другой не в состоянии этого сделать. Никто, кроме вас. Моя задача лишь в том, чтобы показать, как сделать это умышленно и использовать для решения вашего вопроса. Вы понимаете меня?

Павел кивнул.

– Вы будете помнить всё, что происходило, когда вы находились в трансе, за исключением того, что не захотите помнить. Если во время гипноза мы наткнёмся на то, с чем вы ещё не можете иметь дело, вы забудете об этом. Возможно, через некоторое время эти воспоминания постепенно вернуться, но вы уже будете готовы к ним.

– Я согласен, – Павел прервал психотерапевта. – Давайте попробуем.

– Подождите. Позвольте мне закончить. – Брагин ускорил свою тираду. – Вы всё время будете находиться в сознании и держать ситуацию под контролем. Если вам станет неудобно, вы меняете позу. Вы будете в состоянии говорить со мной, если захотите. Гипнозу можно научиться. Это навык, подобный езде на роликовых коньках. Для него нужна практика, этот процесс нельзя ускорить. Вы должны позволить ему произойти так же, как вы это сделали, учась ездить на роликах.

– Я не умею ездить на роликах, – Павла начала утомлять затянувшаяся речь доктора.

– А что вы умеете делать хорошо, как вам кажется?

– Плавать, – признался Павел.

– Значит, будем плавать, – Брагин улыбнулся. – Мы испытываем несколько способов вхождения в транс. Если один вам не подойдет, то попробуем следующий и так до тех пор, пока не найдём подходящий именно вам. Идёт?

– Идёт, – ответил Павел. В эту самую секунду он обнаружил, что красные маки на занавесках его больше не раздражают.

Вы стоите на краю террасы. Она вымощена плитами, между которыми пробивается изумрудная трава. Вокруг – изящная балюстрада, заросшая красивыми вьющимися растениями. Вы видите проем в балюстраде и спускающиеся ступеньки. Сейчас почувствуйте, как солнечные лучи касаются вас. Теплый, легкий ветерок овеивает ваше тело. Насладитесь этими ощущениями. Теперь я прошу вас подойти к верхней ступеньке и посмотреть вниз. У лестницы десять ступенек. Сейчас я буду считать медленно от одного до десяти, а вы в это время будете спускаться по ступенькам, на каждый счет по одной, и по мере спуска вы будете погружаться все глубже и глубже в транс. Начинаем. Один... Два... Ниже и ниже. Глубже и глубже. Три... Погружаемся глубже и глубже в транс. Четыре... Пять... Задержитесь здесь на мгновение, на полпути вниз, и почувствуйте, как вы оставляете повседневный мир все дальше и дальше позади себя, по мере того как погружаетесь глубже и глубже в состояние транса. Теперь продолжайте, еще глубже. Шесть... Семь... Восемь...

Почти спустились. Девять... Десять... Глубоко внутри себя, глубоко в трансе, чувствуя себя очень расслабленным и спокойным, расслабленным и отрешенным. Глубоко внизу. Прекрасно.

Мама стоит у кухонного стола и готовит завтрак. Утренний свет обливает её с ног до головы и растекается по полу. Маленький мальчик сидит на стуле и наблюдает. Она кладёт в миску пачку творога, затем туда же разбивает два яйца, лёгким движением всыпает щепотку соли, на глаз добавляет сахар, тщательно всё перемешивает большой деревянной ложкой, а после добавляет муку и руками замешивает содержимое миски до однородной массы.

– Павлуня, ты же хочешь сырники, дорогой? – обращается мама к мальчику на стуле. Он утвердительно кивает и тянется к миске.

– Подожди, Павлёнок, сначала их нужно пожарить. Бабушка прислала нам вкусную сметанку и клубничное варенье. Сегодня у нас будет не завтрак, а маленькое пиршество, любимый.

Мама наклоняется к ребёнку и целует его в кудрявую макушку. Он легонько дёргает её за рукав и хнычет.

– Родной, я не могу взять тебя: у меня руки в тесте. потерпи немного. Сейчас нажарю сырников и затискаю моего сынулю. А пока пойдёшь разбуди папу.

Павлуня виртуозно сползает со стула и бежит к лестнице,

ведущей на второй этаж.

Павел прекрасно осознавал, что сеансы гипноза вскроют, как консервную банку, самые глубокие воспоминания. «К правде нельзя подготовиться», – думал он. Ему было мало той информации, которой с ним поделилась семья. В нём жила непробиваемая убеждённость, что мать хотела его навещать, но отец не позволял. Возможно, Павел выдавал детскую фантазию за действительность, однако с каждым лечебным сеансом желание найти маму укреплялось в нём.

Перед Павлом сидела пожилая, но ещё очень красивая женщина и смущённо поправляла недавно окрашенный локон цвета мокко.

– Как ты меня нашёл? – спросила она.

– Было непросто. На это ушло несколько месяцев, – сознался Павел.

– Даже в годы моей юности я не удосуживалась такой чести, – женщина кокетливо улыбнулась.

– Не знаю, вспомните ли вы, как однажды мы с отцом встретили вас в парке Горького. Мы кормили белок, а вы проходили мимо, поздоровались, перекинулись парой фраз с папой. Это было лет тридцать пять назад.

Женщина сосредоточенно нахмурилась, вспоминая. Немногочисленные морщинки на её лбу сделались заметнее.

– Что-то не припоминаю. Но знаю точно, что твой папа

очень любил гулять с тобой. Он всегда тебя очень любил.

– Я тогда решил, что вы моя мама, – вырвалось у Павла и будто повисло в воздухе.

Женщина удивлённо посмотрела на него и ровным тоном произнесла:

– Мне странно слышать такое. Мы внешне совершенно не были похожи с твоей матерью. Мы дружили с ней, но в последнее время, перед самым её отъездом, наше общение сошло на нет.

– В доме не осталось ни одной маминой фотографии. Видимо, отец всё уничтожил. Я не могу вспомнить её лицо. Только тёмные волосы. Как у вас.

– Да. Она тоже была шатенкой, – женщина бесцветно продолжала поддерживать разговор.

– По отцовской версии мама уехала с любовником. Так ли это?

– Павел, – в голосе женщины появились ледяные нотки, – не знаю, насколько корректно будет с моей стороны...

– Но вы говорите, что были подругами, – прервал её Павел.

– Были.

– Я подумал, что вы можете знать правду.

– Твой отец сказал тебе всё, что ты должен знать.

– Это его версия. Может быть, вы скажете мне что-то другое?

– Мне нечего добавить.

– Почему она не забрала меня? – он едва сдерживался, чтобы не заплакать.

– Паша, дорогой, – женщина прикоснулась к его руке холодными длинными пальцами. – Наверное, у неё были причины. Она любила тебя. Возможно, родители решили, что тебе лучше остаться с отцом. Ты уже взрослый мальчик. Не стоит копаться в прошлом. Получилось так, как получилось.

– Я надеялся, что вы поможете мне. Прольёте хотя бы немного света в этот мрачный колодец.

– Почему ты не хочешь поверить папе? Понимаю, тебе больно осознавать, что мама ушла. Но так иногда случается. Это жизнь. Возможно, она планировала тебя забрать, но позже, когда устроится в новом городе, найдёт работу.

– Вы знаете имя, фамилию её любовника? Город, в который они переехали? Хотя что-нибудь? – надежда не хотела оставлять Павла.

– Нет. Твоя мама была очень скрытной женщиной. С каждым днём она отдалялась всё больше. Я не смогу тебе помочь. Попробуй ещё раз поговорить с отцом.

– Это бесполезно. Своими расспросами я только бережу его рану.

– Тогда забудь и живи дальше, как жил. Извини, дорогой, – женщина потянулась к пульту от телевизора, – в восемь начинается мой любимый сериал.

Павлуня видит маму у высоких зелёных ворот. Она дер-

жит пакет с яблоками. На ней синее платье до колен, белые босоножки с позолоченными пряжками. Она постоянно поправляет свои красивые волосы и улыбается. Возле неё мужчина. Мальчик видит его впервые. Незнакомец тоже улыбается и трогает маму за руку. Она не сопротивляется, а только смущённо опускает глаза.

Павлуня сидит на мягкой травке и гладит полосатую кошку, крутящуюся рядом. Мама передаёт мужчине пакет, он с благодарностью принимает и на прощание опять трогает маму чуть ниже локтя.

Мама подходит к ребёнку, берёт его, целует в ушко, шейку и говорит, что очень любит. Павлуня обнимает её пухлыми ручонками, прижимается к щеке, болтает ножками.

– Павлёнок, скоро у нас с тобой начнётся новая счастливая жизнь, – говорит мама. – А ты у меня уже тяжёлый, как бегемотичек.

– Как бегемотичек, – мальчик пытается повторить сложное слово: у него получается забавно, и мама смеётся.

Женщина с сыном на руках идёт к дому. Кошка следует за ней.

Отец хотел найти покой и забыться, отдыхая в саду на ротанговом диванчике с удобными подушками и любуясь густыми ветвями старой яблони, но дом и сад сводили его с ума. Отовсюду на него надвигались воспоминания. Они подходили всё ближе, пытались заглянуть в потускневшие гла-

за, и отец жмурился, надавливал на веки прохладными подушечками пальцев, чтобы хоть как-то облегчить своё мучение.

Павлуня проснулся от громких криков, доносящихся снизу. Последнее время папа с мамой всё чаще стали выяснять отношения на повышенных тонах. Он пугался внезапных, налетающих, будто с порывами ветра, ссор. Мальчик не понимал причину, но происходящее огорчало его. Павлуня слышал обрывки фраз, мамин плач, отцовскую ругань, хлопанье дверей. Он слезал с кровати, подходил к лестнице, держась за перила, потихоньку спускался туда, где царил скандал. Добравшись до последней ступени, мальчик усаживался на неё поудобнее и прислушивался.

– Ты совсем стыд потерял? Уже сюда своих баб стал приводить? Тебя даже сын не останавливает?

Отец отвечал криком:

– Мой дом – мои правила. Что-то не устраивает – проваливай. Я тебя не держу. И Пашу не впутывай. Он ещё маленький и ничего не понимает.

– Тебе так кажется. Мы травмируем его нашими бесконечными скандалами.

– Мама, – Павлуня уже стоял у двери и видел маму, сидящую за столом, и папу, дымно курившего у окна.

– Ты почему босиком на холодном полу, сынок? – отца словно подменили, когда он услышал заспанный голос ре-

бёнка.

Мама молниеносно встала и подошла к сыну. Она взяла его на руки, поцеловала в горячую щёчку и как можно спокойнее сказала:

– Всё хорошо, дорогой. Прости, что мы тебя разбудили.

Мальчик стоит перед ступенями, проглоченными темнотой. Снизу доносится шорох подошв, тяжёлое прерывистое дыхание. Ребёнок хочет позвать отца или мать, но не может. Раскаты грома напугали его. Он не в состоянии даже заплакать. Павлуня смотрит в черноту.

Слабый лунный свет постепенно проникает в окно и разбавляет мрак. Мальчик начинает тихо спускаться. Ступени гладкие и прохладные. Посередине он останавливается, крепко обхвативши перила, и пытается разглядеть перед собой хоть что-нибудь. На фоне окна прорисовывается подвижная мужская фигура. Павлуня не издаёт ни звука. Он наблюдает. Фигура начинает тащить что-то тяжёлое по полу в сторону входной двери. Ребёнок слышит только дыхание, учащённое, громкое, плотное.

Вскоре фигура исчезает. Снова скрип двери. И мёртвая тишина.

Павел нашёл отца, сидящим у бассейна. В руках у него был стакан с разбавленным тёмным ромом, в котором плавала рваная долька лимона.

– Папа, нам надо поговорить.

– О чём?

– Скажи правду, прошу тебя. Мама хотела меня забрать?

– Ты опять за старое? Сколько раз тебе повторять? – отец начинал сердиться.

– Я многое вспомнил, – сегодня Павел не собирался отступать.

– Что именно?

– В ту ночь была сильная гроза. Я проснулся и видел, как ты тащил что-то тяжёлое из коридора во двор. Почему ты не включил свет?

– Паша, я не понимаю тебя. Какая ночь? Какой свет я не включил?

– Где её тело? – решительно спросил Павел. – Куда ты спрятал тело моей матери?

– Хм, – отец сделал увесистую паузу. – Я знал, что однажды этот день наступит.

– Папа, – самообладание начинало оставлять Павла.

– Она хотела уйти и забрать тебя с собой, – голос отца задрожал, он сделал глоток. – Я просто хотел её остановить и ... ударил.

Павел будто провалился назад, в ту злосчастную ночь.

Отец продолжал:

– Сначала мне показалось, что она потеряла сознание. Но мне не удалось привести её в чувство ни холодной водой, ни пощёчинами.

– Почему ты не вызвал скорую помощь? – единственное, что мог вымолвить Павел.

– Я испугался, – последовал ответ. – Мне хотелось, чтобы твоя мама осталась с нами. Я сделал всё возможное для этого.

– Где её тело? – Павел из последних сил старался держать себя в руках.

Отец сделал последний глоток:

– Котлован был готов. Пашенька, я хотел, чтобы у нас был бассейн, понимаешь? Мы бы всей семьёй наслаждались купанием в жаркие летние дни... А она решила уйти и отнять моего единственного сына.

Отец с размахом бросил пустой стакан в блестящую гладь бассейна, закрыл лицо пятнистыми, морщинистыми руками и горько зарыдал.

Павел стоял безмолвно и неподвижно. Ему казалось, что земля остановилась у него под ногами.